

Наталия
Экономцева

МАЛЕНЬКИЙ МАРС

Наталия Экономцева
Маленький Марс

«Экономцева Наталия Игоревна»

2018

Экономцева Н.

Маленький Марс / Н. Экономцева — «Экономцева Наталия Игоревна», 2018

«Когда он умер, все его системы жизнедеятельности продолжали работать, как часы. Фейсбук обновлялся каждые двадцать четыре часа, на научных сайтах появлялась информация о последних исследованиях, и ни одно стоящее письмо, пришедшее на адрес электронной почты, не оставалось без ответа. Он давал интервью по телефону и комментировал новостные ленты друзей. Он писал статьи для уважаемых научных журналов и раз в три года сдавал в печать монографии. Мы не собирались превращать его в виртуальную мумию – по крайней мере, сначала. Просто решили: раз уж полтора года нам удалось держать в тайне, что он умирает от той самой болезни, лекарство против которой с переменным успехом разрабатывал почти два десятка лет, почему бы нам не подождать несколько дней? Всемирная ассоциация здравоохранения вот-вот должна была принять решение о фантастически крупном гранте на новые исследования. Разве разумно было объявлять о его смерти в такой момент? Так что мы просто заморозили его тело и запечатали криокамеру. Именно так он и просил поступить – на тот случай, если мы все же закончим работу над чудодейственным препаратом и сможем привести в чувство его создателя. Он так и сказал: «Привести в чувство». Как будто у него когда-то были чувства, если не считать фанатичную любовь к микробам и бактериям...»

© Экономцева Н., 2018

© Экономцева Наталия Игоревна, 2018

Содержание

Пока он занимался ерундой	5
Маленький Марс	8
Синдром раскрытого сердца	11
Помощник	15
Птичка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталия Экономцева

Маленький Марс

Пока он занимался ерундой

Когда он умер, все его системы жизнедеятельности продолжали работать, как часы. Фейсбук обновлялся каждые двадцать четыре часа, на научных сайтах появлялась информация о последних исследованиях, и ни одно стоящее письмо, пришедшее на адрес электронной почты, не оставалось без ответа. Он давал интервью по телефону и комментировал новостные ленты друзей. Он писал статьи для уважаемых научных журналов и раз в три года сдавал в печать монографии.

Мы не собирались превращать его в виртуальную мумию – по крайней мере, сначала. Просто решили: раз уж полтора года нам удалось держать в тайне, что он умирает от той самой болезни, лекарство против которой с переменным успехом разрабатывал почти два десятка лет, почему бы нам не подождать несколько дней? Всемирная ассоциация здравоохранения вот-вот должна была принять решение о фантастически крупном гранте на новые исследования. Разве разумно было объявлять о его смерти в такой момент? Так что мы просто заморозили его тело и запечатали криокамеру. Именно так он и просил поступить – на тот случай, если мы все же закончим работу над чудодейственным препаратом и сможем привести в чувство его создателя. Он так и сказал: «Привести в чувство». Как будто у него когда-то были чувства, если не считать фанатичную любовь к микробам и бактериям.

Он давным-давно развелся с женой, его родителей вполне устраивали регулярные денежные переводы и не слишком регулярные звонки через скайп, а друзей у таких, как он, не бывает. Первые два месяца мы очень боялись, что на пороге появится кто-то, кому нельзя будет отказать в личной встрече. Но желающих повидаться с ним не оказалось. Дверь криокамеры осаждали только микробы и бактерии, но тут уж мы были начеку.

Мы научились виртуозно передавать его голос, изображение, манеру говорить и писать. Он давно уже сам не участвовал в создании книг и статей, а в последний год перед смертью почти не интересовался тем, что происходит в лаборатории. Так что мы привыкли справляться без него. Мы с успехом заменяли личные встречи видео-конференциями и отправляли на симпозиумы полномочных представителей нашего центра с такими феноменальными докладами, что ни у кого не возникало сомнений в их авторстве.

Мы потихоньку добавляли ему седых волос и тонких морщинок у глаз, и он взрослел, как и все остальные. Но все же немного медленнее, и это давало лишний повод биографам и журналистам говорить о том, что любимое дело и вдохновение – лучшие средства для продления молодости. В ответ на такие пассажи у него в фейсбуке появлялось несколько ироничных смайликов и фото на фоне пробирок. Мы сделали ему короткую стрижку и из дурацких старомодных костюмов переодели в джинсы и льняные рубашки, что очень шло к его мужественным скулам и подтянутой фигуре – зря он отказывался от этого при жизни. Он организовал благотворительный фонд и начал деньгами поддерживать тех, кого пока не могло спасти его многообещающее лекарство.

Через три года после смерти он впервые попал в рейтинг самых привлекательных мужчин журнала People, а через пять оказался в списке самых богатых людей журнала Forbes. Женщины сходили по нему с ума, и чтобы охладить пыл преданных поклонниц, мы решили его женить.

Вскоре мы выдали за него чернокожую топ-модель, которая располнела и решила уйти в тень под благовидным предлогом. Молодожены поселились в собственной усадьбе на неболь-

шом островке в Индийском океане. Забор вокруг имения был выше, чем все прибрежные скалы. В фейсбуке теперь появлялись фотографии гибкой чернокожей красавицы и подтянутого ученого с проседью в волосах.

Мы не растерялись, даже когда топ-модель заговорила о детях. Мы просто разморозили образцы спермы, взятые еще до того, как болезнь достигла угрожающей стадии, и провели оплодотворение в пробирке. В следующие шесть лет у него родилось трое детей с кожей цвета молочного шоколада.

Осложнений не возникло, даже когда ему присудили Нобелевскую премию. Мы написали витиеватое письмо, в котором говорилось, что в работе нашего ученого наметился радикальный прорыв. Не удивительно, что в такой момент он не может отвлечься от исследований даже ради получения самой престижной в мире награды. Мы смонтировали трогательное видеообращение.

– Я признателен, что вы оценили мои заслуги, – говорил он, проникновенно глядя в камеру. – Но главная награда для меня – это возможность спасти сотни тысяч жизней во всем мире. Надеюсь, вы поймете мое отсутствие на церемонии вручения.

Сотрудники Нобелевского комитета это поняли, и круглая сумма поступила на его счет. Одну треть мы сразу отправили его родителям, другую – чернокожей красавице, а остальное поделили между собой. Как известно, когда участвуешь в очень крупной и дорогой афере, главное – не жадничать.

Мы даже устроили ему разговор с президентом – через скайп, разумеется. Президент был немногословен и приветлив, а наш ученый – разговорчив и польщен. Они попрощались, очень довольные друг другом.

Между тем, дети с кожей цвета молочного шоколада подрастали, и не за горами был тот момент, когда они стали бы задавать неудобные вопросы. Где, к примеру, тот мужчина, который часто появляется вместе с ними на фотографиях? И откуда, скажите, взялись эти фотографии в сети, если он никогда не гулял вместе с ними по пляжу? Нам нужно было либо окончательно его убить, либо вернуть к жизни – других вариантов не оставалось.

Мы трудились, как проклятые. Работа в лаборатории не останавливалась ни на минуту. Сотрудники нашего центра чаще спали в креслах подсобки, чем дома в кроватях. И наконец, лекарство, над которым он так долго работал, было готово. Мы распечатали криокамеру и начали процедуру размораживания. Каждый день мы повышали температуру его тела на один градус Цельсия, и через семь с половиной месяцев довели ее до нуля. Мы подключили систему искусственной вентиляции и ввели ему сыворотку для регенерации и созданное лекарство. Его сердце заработало на третий день, на пятый он открыл глаза, а на сороковой – сел в кровати, потребовал ноутбук и принялся читать новости. За те десять лет, что он провел в криокамере, информации накопилось немало.

А следующей ночью он пропал. Его состояние было стабильным, и мы наконец-то разошлись по домам, чтобы выспаться в собственных кроватях. Утром, когда мы вернулись в центр, его комната была пуста. Мы бросились с лабораторию, в восторге от того, что он вновь заинтересовался исследованиями, но там его тоже не оказалось. За день мы перевернули с ног на голову всю страну, чтобы выяснить только одно: накануне ночью он вылетел в Европу на частном самолете из крошечного аэропорта. Мы связались с каждым мало-мальски известным ученым в каждой стране, помеченной на карте, но все было безуспешно. Он не выходил на связь ни с физиками, ни с химиками, ни с биологами. Слухи уже стали просачиваться в прессу, когда нам позвонил управляющий из усадьбы на острове в Индийском океане.

Мы нашли его в занюханной рыбацкой деревушке на берегу океана. Наш ученый сидел на большом черном камне, одетый в дурацкие шорты и гавайскую рубашку. Рядом с ним на

скалах растянулись его дети из пробирки с кожей цвета молочного шоколада. Перекрывая шум волн, он рассказывал им по-русски про микробов, а дети, которые ни слова не знали на его родном языке, от души хохотали и мелкими рисовали на камнях кривых сороконогих козявок. Располневшая, но все еще очень красивая женщина, которая в прошлой жизни была фотомodelью, потягивала из скорлупы кокоса мятный коктейль. А из ближайшего домика доносился запах пирожков с яблоками и звон посуды – там его родители уже накрывали на стол.

Он махнул на нас рукой, как будто заметил назойливую муху, и вернулся к своим козявкам.

Мы тихонько ушли с пляжа, сели на самолет и вернулись домой. В конце концов, мы уже очень давно научились справляться без него. Регистрация лекарства и сыворотки для регенерации – это очень непростой процесс. И пока он занимался ерундой, кто-то должен был спасать сотни тысяч жизней.

Маленький Марс

Когда он постучал ко мне в дверь, на улице лило, как из ведра. Он стоял на крыльце – влажные рыжие волосы свернулись колечками, белый скафандр слабо светится в темноте, в руках здоровенный серебристый шлем, на губах смущенная улыбка. Не знаю, промокают ли под дождем скафандры, но за шиворот ему наверняка натекло порядочно.

– Извините, что беспокою вас так поздно... Похоже, во всем городке только в вашем доме не спят и горит свет. У меня там аварийная посадка, – он неопределенно махнул рукой в сторону леса. – Шаттл залило, резервные батареи промокли и нет возможности связаться с центром. Даже телефоны разрядились... Летаем в космос, а в обыкновенный дождь становимся беспомощными, как дети! Вы разрешите от вас позвонить?

Я разрешила, и он прошел в дом. Положил на полочку перед зеркалом шлем, поставил перед дверью серебристые ботинки с толстой рифленой подошвой. Я принесла ему телефон.

– Алло, центр? Это номер 2475, у нас аварийная посадка, передаю координаты...

Когда он собрался уходить, дверь жалобно скрипнула.

– А что это у вас с дверью?! – возмутился он. – Несите сюда масло, я сейчас все исправлю.

Пока он разбирался с петлями, я поставила на кухне чайник, достала из шкафа мед и печенье. Он задержался, чтобы выпить со мной чаю, потом остался на ужин, а потом и на завтрак.

Дождь, почти не переставая, лил целую неделю, промокший передатчик не подавал признаков жизни, даже телефонные звонки теперь оставались без ответа, а помощь все не приходила. За те семь дней, что мы провели вместе, мой дом совершенно преобразился. Мой гость прикрутил разболтавшиеся ножки стола. Поменял во всех комнатах обычные лампочки на мерцающие серебристые светодиоды, которые достал из своего космического рюкзака. Починил две кривых ступеньки на крыльце. Вставил в окно новое стекло. Заменял испорченные черепицы на крыше, прочистил систему отопления и идеально ровно покрасил забор в нежно-голубой цвет.

– Точно такого же цвета деревья на Маленьком Марсе, – мечтательно сказал он, когда небо на пару часов прояснилось и на закате мы любовались результатом его трудов.

О Маленьком Марсе – таинственной космической колонии – ходили сплетни и легенды, но мой гость был первым из знакомых, кто действительно видел эту планету.

– Планету так называли, потому что по размеру она чуть больше Луны, а почва и горы там такие же красные, как на Марсе. Еще там желтая трава и нежно-розовые реки, а море такого глубокого красного цвета, что на восходе кажется огненным. Но на самом деле оно совсем не горячее! Наоборот! Оно прохладное и сладкое на вкус, – мечтательно рассказывал мой гость, и его глаза наполнялись печалью. – Там цветы высотой с пятиэтажный дом, а деревья еще выше. Там голоса птиц похожи на звучание органа, бабочки светятся в темноте и совсем нет хищников. Представляешь – на целой планете ни одного!

Он рассказывал мне о глубоководных рыбах, которые понимают человеческую речь, о прозрачном воздухе, аромат которого напоминает восточные благовония, о сказочно красивом закате, когда огненное море залито золотым сиянием солнца.

Удивительно, но планета, которая идеально подходит для жизни, была буквально под носом у ученых – каких-то два месяца полета – а открыли ее только недавно. Он говорил, что звучание космоса одновременно похоже на музыку и на хор из тысячи голосов. Что невесомость лишает человека не только массы тела, но и груза любых бесполезных забот. И что тот, кто ни разу не испытал этого удивительного чувства, попросту прожил свою никчемную жизнь зря.

На восьмой день небо прояснилось, дождь перестал, и передатчик наконец-то ожил. Мой гость надел свой просохший скафандр и взял в руки шлем. В дверях он крепко прижал меня к себе, и гладкая на ощупь ткань его космического костюма странно зашуршала.

– Не скучай, – сказал он и поцеловал меня в нос.

Через две недели он снова отправлялся в полет, но сразу после Нового года собирался ненадолго вернуться на землю. И тогда опять непременно заглянет на огонек. На прощанье он дал мне серебристую карточку с адресом электронной почты и своим операторским номером.

– Если захочешь со мной связаться, пиши, – шепнул он. – Телефоны на Маленьком Марсе, разумеется, не работают, но почту мы время от времени проверяем. Я отвечу, как только будет возможность.

И он вышел за дверь, которая закрылась за ним без единого звука – петли-то смазаны на совесть. Я смотрела, как в темноте он легко шагает по заснувшему городку в сторону леса, где его уже ждал прибывший на помощь отряд космических техников.

Я написала ему сразу после Рождества, когда до рождения нашего малыша оставалось не больше трех месяцев. К письму я приложила фотографию, сделанную во время УЗИ-обследования – маленький мальчик в своем собственном крошечном океане, с трогательными тоненькими пальчиками и на удивление гордым профилем. Ответ пришел очень быстро – уже через несколько минут на экране компьютера засветился сигнал о новом сообщении.

«Спасибо, что обратились в программу волонтеров „Маленький Марс“, – говорилось в том письме. – Ваша заявка зарегистрирована под номером N1708. Наш оператор свяжется с вами в течение трех рабочих дней, чтобы прояснить детали».

Оператор действительно связался со мной через три дня. Он понятия не имел о высоком рыжеволосом космонавте с операторским номером 2475, который полгода назад совершил вынужденную посадку в лесу, неподалеку от нашего городка. Но мне предложили заполнить анкеты, пройти интервью и стать частью удивительного покорения новой планеты, о котором наверняка будут писать в учебниках. Беременность не являлась противопоказанием для космических перелетов – в шаттлах сейчас такие комфортные условия, что за здоровье малыша можно не опасаться.

Я подумала и согласилась. В конце концов, отыскать высокого рыжеволосого капитана на Маленьком Марсе будет гораздо проще, чем на огромной Земле. На всякий случай я спрашивала о нем каждого, кого встречала во время подготовки к полету, – инструкторов, врачей, психологов и даже секретарей в приемной. Они разводили руками, иногда смущались и опускали глаза, но никто из них не знал, как связаться с капитаном под номером 2475. Может быть, я встречу его на Маленьком Марсе? Все может быть, но точно утверждать невозможно.

Надо мной сжалилась только молоденькая девушка, которая регистрировала меня на рейс.

– Милочка, – быстро прошептала она, перегнувшись через стойку, – вообще-то правила запрещают давать нам подобную информацию до полета, но я считаю, что в вашем положении нужно знать наверняка.

И она выразительно посмотрела на мой округлившийся живот.

– Что же мне нужно знать наверняка?

– Вы не встретите вашего капитана на Маленьком Марсе. Сотрудники с номерами, которые начинаются на 24, никогда не летают в космос, они работают только на Земле. Это специалисты по подбору перспективных кадров.

– Кадров? Каких кадров? – изумленно переспросила я.

– Тех, кто действительно полетит на Маленький Марс и станет частью истории, о которой будут писать в учебниках. Ваш номер начинается на N17 – это самая перспективная категория,

вы летите в первую очередь, в обход остальных кандидатов. Мой номер MB2214 говорит о том, что я смогу полететь, когда закончу учебу. Но те, кто из группы 24, не полетят никогда. Это точно. Не подходят по состоянию здоровья или эмоциональному фону.

Я отошла от стойки и прислонилась к стене. Я не встречу на Маленьком Марсе своего капитана. Его космический корабль никогда не совершал аварийной посадки в лесу, потому что никакого корабля у него не было. А была только папка с анкетами перспективных кадров, о которых нужно узнать как можно больше, и передать информацию начальству. Мой гость никогда не бывал в космосе, не видел собственными глазами, как золото заливает на закате огненный океан, и не ощутил невесомости. Может быть, поэтому его глаза становились такими печальными, когда он говорил мне об удивительной новой планете? Из-за того, что его собственная ничемная жизнь была, судя по всему, прожита зря?

Я огляделась по сторонам – вокруг было много молодых женщин. Некоторые, как и я, были беременны, некоторые держали маленьких детей на руках. Похоже, что методы работы специалистов по подбору перспективных кадров не отличались разнообразием. Когда объявили посадку, я решительно прошла в шаттл.

Все-таки в главном мой капитан меня не обманул. Звучание космоса действительно похоже и на музыку, и на хор из тысячи голосов. Воздух на Маленьком Марсе на самом деле пропитан ароматом восточных благовоний, глубоководные рыбы понимают человеческую речь, а бездонное море огненного цвета – сладкое на вкус. Ну, не очень сладкое, вы понимаете. Не как газировка, а как прохладный березовый сок.

Мой малыш родился через месяц после начала полета, и первое, что он ощутил, – это восхитительное состояние невесомости, которое лишает человека не только массы тела, но и груза бесполезных проблем. Хотя какие могут быть проблемы у рыжеволосого новорожденного младенца с удивительно гордым профилем? Я поймала малыша за ножку и прижала к себе.

Синдром раскрытого сердца

Пахло влажной травой и хвоей, а капельки росы сияли на солнце, как маленькие радуги. Я раздвинула руками ветки и ахнула. Передо мной была идеальная грибная полянка – из моих самых счастливых зимних снов. Бархатистые, влажные, рыжие шляпки выглядывали из-под травы. Я стала считать: шесть больших подосиновиков! Еще четыре поменьше, и один – справа, и три – под кустом, и еще пять штук прямо под ногами, и как только я на них не наступила?! Наклонившись, я ухватила рукой толстую ножку гриба, и тут... Слева, за колючими зарослями ежевики, была еще одна полянка, и на ней видимо-невидимо восхитительных рыжих шляп!

Мне стало трудно дышать. Я поставила на землю корзинку, в груди что-то треснуло. Звук был такой странный и резкий, что я сначала огляделась по сторонам и только потом поняла, что его издает мое собственное тело. Я опустила на колени, пару минут сидела неподвижно, потом тихонько потянулась за следующим грибом. И снова услышала треск – он был еще громче, чем в прошлый раз. Казалось, что грудная клетка разрывается на тысячу крошечных частей, а перед глазами все поплыло. Хорошо, что я не успела уйти далеко: сквозь деревья еще виднелись крыши домов, а в кармане у меня был телефон.

Я помню, как меня под руки вели из леса, а ужасный треск то затихал, то возвращался, и кто-то кричал:

– Вызывайте «скорую»!

Еще помню, что в машине было темно и пахло лекарствами, мое тело оказалось окутано проводами, а треск стал еще громче и страшнее, чем в лесу. И потом в больнице:

– Не волнуйтесь, мы дали вам успокоительное. Просто поспите, а позже поговорим.

– Есть две новости, – сказал мне веселый молодой врач на следующее утро. – Одна – хорошая, вторая – прямо скажем, не очень. Начнем с приятного: мы знаем, что с вами. Это так называемый синдром раскрытого сердца. Теперь о грустном: лечения, по сути, нет. Вот смотрите, – тут он ткнул пальцем в сторону большого монитора, который висел на стене. – В норме сердце покрыто плотной оболочкой, сердечной корой – вы и сами наверняка знаете.

На мониторе появилась картинка аккуратного светло-серого сердца, которую я много раз видела в школьных учебниках по биологии.

– Но в некоторых случаях оболочка может треснуть, из-за физических травм, реже – под воздействием сильного эмоционального стресса. Похоже, что у вас как раз второй случай, если только вы нигде не упали в лесу.

Сердце на мониторе покрылось мелкими трещинками, которые кроваво-красными ящерками побежали по серой поверхности оболочки.

– Какой ужас! – выдохнула я.

– Да, выглядит пугающе, но на самом деле все не так страшно. При соблюдении режима пациенты с синдромом раскрытого сердца живут десятилетиями!

На мониторе появилось изображение симпатичной пожилой пары, которая прогуливалась вдоль берега моря.

– И вообще-то, – тут врач немного помедлил, как будто сомневался, стоит ли говорить об этом вслух, – вообще-то есть теория о том, что в древности никакой сердечной коры совсем не было.

– Как это не было? И как же люди жили – с раскрытым сердцем?

– Есть исследователи, которые уверены, что люди с раскрытым жили вполне комфортно. Возможно, они острее реагировали на те или иные события, но в целом чувствовали себя сносно. Позже, в процессе эволюции, сердце человека покрылось твердой оболочкой, чтобы защитить нас от волнений и, конечно, от физических повреждений. Официальная медицина

к этой теории относится скептически, но в мире есть те, кто специально работает на раскрытием своего сердца и даже учат этому других. Но, – тут молодой врач мне заговорщически подмигнул, – я вам ничего подобного не говорил. А говорил вам о том, что необходимо свести к минимуму любые стрессы, больше отдыхать, избегать физических нагрузок и – в вашем случае – исключить походы за грибами. Я бы на вашем месте вообще не ходил в лес и не смотрел на грибы даже на картинках. Тогда есть шанс, что со временем ваши трещины уменьшатся или, возможно, полностью заживут. Понимаете меня?

Я кивнула. Никакого леса. Никаких грибов. Мне хотелось заплакать, но я помнила еще одно правило моей новой жизни: никакого стресса.

– А часто встречаются пациенты с синдромом раскрытого сердца? Я никогда о нем не слышала.

– Не больше десяти случаев за последние двадцать лет во всем мире. Это то, что официально зарегистрировано. Гуру, которые уверяют, что раскрыли собственное сердце, и их ученики не в счет. К врачам они обычно не ходят. Но вот что удивительно: за день до вас к нам привезли еще одного пациента с синдромом.

– Тоже из леса? – изумилась я.

– Нет, прямиком из консерватории, – усмехнулся врач. – Приступ случился во время концерта. Кажется, он скрипач. Хотите перед выпиской его навестить?

Он сидел в палате на подоконнике, усталый, небритый и очень красивый. Помятая белая рубашка, фрак и остроносые концертные ботинки, причем один из них идеально чистый, а второй – весь в пыли.

– Хорошо, что зашли! – сказал он и осторожно слез с подоконника. – Я хотел с вами познакомиться. Вы знаете, что произвели в больнице фурор? Второе раскрытое сердце за одни сутки! Правда, что вы разволновались из-за грибов?

– Правда. А вы из-за музыки?

Он кивнул и внимательно осмотрел меня с головы до ног. Не пропустил ни старую ветровку, ни широченные штаны с множеством карманов, ни резиновые сапоги в сине-желтый цветочек. Я уверена, мы думали об одном и том же: ни у меня, ни у него не нашлось тех, кто захотел бы приехать в больницу, чтобы привезти свежую одежду и проводить домой. Ветер из открытого окна перебирал его темные волосы – слишком длинные для обыкновенного мужчины, но для музыканта – в самый раз.

– Скажите честно, вы любите музыку? – спросил он, и его глаза хитро сверкнули.

– Если честно, то нет.

– А я не выношу грибы. Я даже не могу их есть, у меня аллергия. И лес, по-моему, совсем неподходящее место для женщины, – тут он выразительно посмотрел на мои резиновые сапоги. – И если бы мы оба не были пациентами отделения кардиологии, то я бы, пожалуй, сказал, что мы с вами идеальная пара.

Из больницы мы уехали вместе. Длинноволосый пижон во фраке и любительница лесных прогулок в широченных штанах с карманами. Глядя, как его остроносые ботинки подстраиваются под шаги моих резиновых сапог, я думала о том, что теперь ему, наверное, придется подстричься.

Никакой музыки. Никаких грибов. Никакого стресса. Мы стали соблюдать эти правила сразу же, как только переступили порог больницы. Мы переехали на окраину города, где не было ни консерватории, ни концертного зала, ни даже музыкальной школы. Из нашего окна на семнадцатом этаже видны такие же бело-желтые многоэтажки, и чтобы добраться до ближайшего леса, пришлось бы проехать не один десяток километров. Нам не нужно было ходить на

работу: к счастью, фармацевтические компании платят большие деньги за то, чтобы изучать состояние таких, как мы. К несчастью, ни одна из этих компаний пока не придумала лекарства, которое смогло бы нам помочь.

Мы просыпаемся поздно и еще до завтрака принимаем экспериментальные успокоительные таблетки. Иногда они желтые, иногда – светло-голубые, а иногда – капсулы с оранжевой полосой посередине. Мы запиваем их водой (не слишком холодной), варим кофе (не очень крепкий), читаем (только книги, которые не могут нас взволновать). За продуктами мы ходим в магазин, где никогда не бывает грибов. Мы любим кино, но сознательно избегаем музыкальных картин. Раз в год мы ездим отдыхать в самые жаркие страны посреди пустыни, где днем с огнем не встретишь лес. И останавливаемся в глухих деревушках, где музыкальный инструмент – неслыханная роскошь.

По вечерам мы беремся за руки и гуляем вдоль бело-желтых многоэтажек. Мы стараемся не смотреть в сторону детских площадок, ведь дети – это сильнейший в жизни стресс. После грибов и музыки, разумеется. Мы рано ложимся спать, и закрыв глаза, внимательно прислушиваемся к стуку наших сердец.

Каждый месяц мы ходим на обследования. Врачи подсоединяют к нашим сердцам провода, и мы видим на мониторе, что кроваво-красные трещинки стали еще немного меньше. На обратном пути мы заходим в кафе, выпиваем по бокалу вина (непременно разбавляем водой) и улыбаемся друг другу.

– Никакой музыки, – говорю я.

– Никаких грибов, – напоминает он.

И каждый из нас думает, что в сущности, мы – идеальная пара.

Иногда мы читаем о тех, кто специально раскрывает свое сердце и говорит, что счастлив. Мы смотрим друг на друга и представляем, как это могло бы быть. Но мы слишком осторожны, чтобы рисковать.

В тот вечер воздух был особенно теплым и прозрачным. Я тогда впервые заметила, что в его темных кудрях появились седые прядки.

– Пройдемся пешком? – спросил он, когда мы вышли из кафе, отметив очередное обследование.

– Никакой физической нагрузки! – напомнила я.

– Пройдем всего пару остановок. Не будем торопиться. И не волнуйся! Никакого стресса!

Мы шли не спеша, взявшись за руки, и смотрели по сторонам. Наверное, вино все же ударило нам в голову. Иначе как объяснить, что мы ничего не заметили? Может быть, звуки долетали до нас издалека, но мы не обратили внимание? Или они сделали перерыв и возобновили игру несколько секунд назад? Мы вышли на площадь и остановились, как вкопанные. Прямо перед нами на газоне расположились четверо – трое парней и девушка в невесомом платье бледно-желтого цвета. Струнный квартет. Музыка. Они играли что-то нежное и певучее, и вокруг них уже собрались люди – они стояли вокруг, сидели на скамейках, лежали на траве.

Он до боли сжал мою руку, и в ту же секунду я поняла, что сейчас случится. Я попыталась тянуть его в сторону, но куда там! Он быстро прижал меня к себе – так крепко, что хрустнули кости, совершенно не заботясь о безопасности наших сердец. А потом рванулся вперед и в два прыжка оказался на газоне. Он сказал что-то на ухо парню, тот удивленно взглянул на незнакомца, а потом передал ему скрипку.

Он взмахнул смычком, и в ту же секунду что-то неуловимо изменилось. Как будто его партия расставила все по местам, связав все четыре инструмента в один ликующий голос. И мир стал единым. И горе ушло. И все трещинки, которые могли появиться в чьих-то сердцах, разгладились в одно мгновение.

Он смотрел прямо на меня, а музыка лилась из его рук и да – прямо из сердца. И в этой удивительной мелодии было все, от чего мы отказались, – наши страхи и мечты, наши нерожденные дети, наша страсть и ненасытная жизнь. Все то, что еще можно было исправить, и то что уже совершенно невозможно вернуть.

А люди поворачивались к нему, забывая о недоеденных чипсах. Новые слушатели стекались из переулков и постепенно заполняли площадь. Музыка становилась все громче, поэтому вряд ли кто-то кроме меня услышал хлопок, с которым раскрылось его сердце. Не спрашивайте как, но я в одно мгновение поняла, что теперь это были не трещины. Его сердечная кора взорвалась и рассыпалась в пыль. И мне не нужен был монитор, чтобы понять, что его сердце стало беззащитным и ярко-алым.

Он крикнул мне:

– Это не страшно!

Мое собственное сердце сжалось в комок, а потом вдруг хлопнуло и стало огромным и тяжелым. Странно, но в этот раз это действительно не было страшно. Мне даже показалось, что дышать стало легче.

Я почти не удивилась, когда услышала рядом еще один хлопок, а потом они начали раздаваться один за другим – как будто лопались воздушные шары или раскрывался в микроволновке соленый попкорн. Люди бледнели, хватались за сердце, кто-то без сил опускался на траву. А воздух был теплым и ароматным, как никогда, и казалось, что этим воздухом, и этим звуком можно просто захлебнуться. Кто-то вызвал по телефону врачей и полицейских, но оказалось, что в сущности они ничем не отличаются от остальных людей. Их кора точно так же трещала и лопалась, превращая сердце в открытую рану.

Когда солнце стало клониться к закату, он вернул скрипку законному владельцу и подошел ко мне.

– А теперь – за грибами, – решительно объявил он.

– За грибами? На ночь глядя?

– Мы возьмем фонари.

Квартет у нас за спиной продолжал играть, с разных сторон доносились хлопки, а он прижимал меня к себе, и если бы мое сердце все еще было покрыто корой, оно бы наверняка разорвалось еще раз.

Помощник

За считанные дни он превратил мою жизнь в кошмар. Он изводил меня шумом – стучал по трубам, звонко топал в пустом коридоре и тоскливо вздыхал по ночам. В кухне перегорели все лампочки, пульт от телевизора потерялся, а флакон моих любимых духов упал в ванной на пол и разбился вдребезги. Компьютер жил своей собственной жизнью – с легким шорохом включался вечером и ласково шелестел до утра. Я перестала его заряжать, но это не помогало: аккумулятору больше не было никакого дела до электричества.

А во вторник, когда я вернулась с работы, он по-хозяйски сидел в моей кухне на подоконнике и болтал ногами – маленький такой мужичок, ростом с обыкновенную детскую куклу. Видели уродливых резиновых пупсов со сморщенными личиками и вытаращенными глазами? Физиономия у мужичка была такая же сморщенная, глазки прятались под густыми бровями, на голове – помятая зеленая шляпа, на ногах – крошечные лапоточки.

Когда я застыла в дверях, он потерял свои сморщенные ручки и вежливо сказал:

– Ну здравствуй, хозяйюшка!

Говорил он звучно и нараспев – так разговаривают умудренные жизнью старики в спектаклях по пьесам Островского. Я смотрела на мужичка, а мужичок – на меня. Глазки у него были маленькие и хитрые.

– Ты кто? – спросила я.

Мой гость тяжело вздохнул, как будто моя глупость глубоко его ранила, и погладил хрестоматийную бороду – густую, окладистую, с проседью. Вопрос действительно был бестолковый. Без этого вопроса вполне можно было бы обойтись – ясно же, что домовый. Таким его на всех картинках рисуют. Но одно дело – знать, как выглядит домовый на картинке, и совсем другое – видеть его рядом с мультиваркой на подоконнике собственной кухни.

– Что же, ты, хозяйюшка, сама не догадалась? Или не рада меня видеть? – вкрадчиво спросил мужичок.

Я щелкнула выключателем – без толку, лампочки опять перегорели. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и досчитала до десяти – мужичок по-прежнему сидел на подоконнике и болтал ногами. Я перекрестилась – он даже запрыгал на месте от удовольствия. Я ущипнула себя за руку, помотала головой, похлопала ладонями по щекам – мужичок зевнул. Похоже, все это ему надоело.

– Я твой помощник, хозяйюшка. Поняла? – громко заорал он. – Буду наводить здесь порядок! Буду пользу тебе приносить!

В руках у домового оказался пульт от потерянного телевизора, а в следующую секунду мужичок вдруг подпрыгнул и с размаху бросил пульт на пол. Пластмассовые обломки весело запрыгали по каменным плиткам, батарейки раскатились по углам.

В тот злополучный вечер моя нормальная жизнь кончилась раз и навсегда.

Домовой опустошил мои кухонные шкафчики и холодильники: сожрал все, что лежало в морозилке, рассыпал по полу чипсы, искорежил консервные банки. Единственное, что его не заинтересовало, – это рис, сырые овощи и замороженные креветки. Он порвал в клочья мои свитера и джинсы, а несколько маек вымазал майонезом и кетчупом. Он отковырял у телевизора провода и испортил компьютер: ноутбук стал безнадежно зависать, большая часть сайтов на нем попросту не грузилась, и он по собственной воле рассылал от моего имени сообщения на незнакомые сайты. Когда вечером приходил в гости мой любимый мужчина, домовый пачкал его одежду, вытаскивал из ботинок шнурки и выбрасывал в окно ключи от машины. И мой любимый перестал приходить.

Каждый вечер, возвращаясь домой, я заставляла в квартире домового, который заканчивал очередную каверзу, сердито приговаривая:

– Мы здесь порядок наведем! Мы здесь все исправим!

Я перевернула интернет в поисках верных средств от домовых – разумеется, сделать это мне пришлось на работе – и испробовала все возможные способы. Я кропила углы квартиры святой водой, сыпала пол солью, произносила в полнолуние древние наговоры на старославянском, а в новолуние проводила шаманские ритуалы и била в бубен. Домовой ходил за мной по пятам, с неизменным интересом наблюдая за происходящим. Было очевидно, что соль и бубны ему нипочем.

Я приглашала домой настоящую сибирскую колдунью и экстрасенсов из популярной телепередачи. Колдунья до квартиры не добралась – сломала ногу, споткнувшись на ступеньках в подъезде. А экстрасенсы так испугались моего мужичка, что съемки следующих передач пришлось отложить на несколько недель, пока штатные психологи разбирались с последствиями стресса. Между тем, помощник вылил в раковину бутылку дорожущего коньяка и разукрасил зимние сапоги ярко-красным лаком.

Я несколько дней пожила у мамы, погостила у сестры и на неделю слетала в Египет. Домового мое отсутствие ничуть не огорчило. За это время он ободрал во всей квартире обои и облил потолок зеленым лимонадом. Чтобы не видеть этого безобразия, по вечерам мне приходилось гулять в ближайшем парке. Хорошо еще, что началась весна, и на улице стало тепло. От безысходности я купила абонемент в бассейн.

Каждый вечер мне приходилось приносить себе немного свежих продуктов на ужин: все, что оставалось в холодильнике, съедал домовый. Я пробовала заказывать еду по телефону, но курьеры из службы доставки больше не могли найти мой дом. Они плутали по дворам, звонили мне с соседних улиц и не понимали по-русски.

Через пару недель я заметила, что домовый затихает, когда я читаю ему вслух. Постепенно мы перечитали все мои книги, и я записалась в библиотеку. Еще он успокаивался, когда я занималась английским. Одним из тех немногих сайтов, который все еще грузился на моем ноутбуке, была страница школы иностранных языков. От скуки я зарегистрировалась на форуме, и однажды мне пришло сообщение о том, что я выиграла полугодовой интернет-курс обучения. Делать по вечерам мне все равно было нечего: телевизор-то не работал! И я начала заниматься. Так и повелось: после работы я гуляла в парке или плавала в бассейне, потом готовила что-нибудь несложное на ужин (мне приходилось готовить самой, потому что пельмени и сосиски домовый выхватывал у меня из рук и выбрасывал в окно), а потом читала вслух или учила английские слова.

Домовой немного притих. Я вызвала рабочих, которые покрасили потолки и переклеили обои, а заодно поменяли двери и постелили на пол новые ковры. Мужичок вел себя на удивление тихо: не пугал строителей и больше не рисовал на стенах.

Некоторое время я подумывала о том, чтобы продать или обменять квартиру. Но ни один риэлтор так и не смог найти мой дом, хотя в отличие от курьеров, почти все они умели говорить по-русски. Я смирилась с тем, что никогда не избавлюсь от своего «помощника», не смогу посмотреть ток-шоу по телевизору и у меня больше не будет мужчин.

Но однажды я пришла в библиотеку за очередной порцией книг и среди новинок, выставленных на самом виду, заметила толстый красочный том с названием «Домовые. Полный справочник пользователя». Не веря своему счастью, я протянула руку и дотронулась до прохладной глянцевої обложки.

– Интересуетесь домовыми? – участливо спросила меня библиотекарь, улыбаясь дама неопределенного возраста.

– Скорее, интересуюсь тем, как от них избавиться, – призналась я.

– О, ведь это очень просто!

– Разве? – изумилась я. – Я перепробовала все, что можно... Воду, соль, экстракты... Библиотекарь замахала на меня руками:

– Это все глупости! Есть одно безотказное средство, и к тому же очень простое. Чтобы навсегда избавиться от домового, нужно всего лишь поймать его, посадить в мусорное ведро и закрыть крышкой.

– И все?!

– Все. Через 7 секунд он исчезнет, и больше вы его не увидите.

– А как же заклинания и заговоры?

– Просто досчитайте до семи, деточка. И не забудьте плотно закрыть крышку.

В тот вечер домой я бежала бегом. Домовой не терял времени даром: он сидел в кухне на полу, рядом с ним стоял железный тазик с моими кроссовками, а мужичок уже держал в руках зажженную спичку. Он даже не успел пошевелиться, когда я выхватила из кармана мусорный мешок, накинула на мужичка, завязала узлом и сунула в ведро. Я плотно прижала крышку и медленно досчитала до семи, а потом на всякий случай до семнадцати. Когда я снова открыла крышку, мусорный макет был пуст.

Несколько минут я прыгала по квартире, как школьница в начале летних каникул. Потом я пулей бросилась в магазин и вернулась с большим пакетом чипсов, пачкойпельменей и бутылкой пива. Я поставила на плиту кастрюльку, налила пиво в бокал и открыла ноутбук. Впервые за несколько месяцев компьютер включился без помех и не зависал. В личной почте было одно непрочитанное сообщение – от крупного агентства по подбору персонала.

«Это спам или ошибка», – подумала я, но все-таки открыла.

«Ваша заявка на соискание вакансии помощника руководителя в туристической компании была рассмотрена и одобрена. Завтра, в 10.00 вы можете явиться на личное собеседование по адресу ул. Букинистическая, 23, офис 12».

Заявка на соискание?! Прощальная пакость от домового! Работа в туристической компании – моя давняя мечта, но кому нужен нудный бухгалтер без опыта в сфере путешествий, без иностранных языков, без каких-либо особых увлечений?

Я уныло просмотрела список требований к кандидатам – так и есть: разговорный и письменный английский, привлекательная внешность, стиль в одежде, начитанность, умение поддерживать беседу, возможность частых командировок, стрессоустойчивость, способность работать в жестких условиях, карьерный рост... Все это не про меня – я никогда не была красавицей, у меня килограммов десять лишнего веса, а о стиле в одежде нет ни малейшего представления: я ношу майки и джинсы десятилетней давности... Я поискала в интернете фото руководителя туристической компании, которая приглашала меня на собеседование. Красавец и спортсмен. Зачем им я?

В ванной что-то с шумом упало на пол. Я в ужасе подскочила и бросилась посмотреть – включила свет, облазила на четвереньках все углы, но домового не было видно. Я поднялась на ноги и глянула в зеркало, новая лампочка, вставленная взамен перегоревшей, ярко освещала все вокруг. И вдруг...

Можете считать меня идиоткой, но вдруг я заметила, что из зеркала на меня смотрит та женщина, которой я всегда мечтала быть. За считанные секунды с моих глаз как будто спала пелена, которая несколько месяцев мешала мне видеть, что же на самом деле происходит.

Домовой выбросил и истоптал все самое вредное, что лежало у меня в шкафах и холодильнике. Благодаря ему каждый вечер я готовила себе пасту с овощами или варила креветки. Я каждый вечер гуляла в парке и плавала в бассейне. Мои лишние килограммы давно испарились! Он испортил мою самую старую одежду, которую давно надо было бы выбросить, и мне пришлось купить новые модные вещи, на которые всегда было жалко денег. Он сломал мой телевизор, и за полгода я прочитала больше книг, чем за всю предыдущую жизнь. Я прилично выучила английский, и уже могу говорить. А мужчина, которого он выгнал, был давно и без-

надежно женат. Он же действительно мне помог и все исправил! А я выкинула его в мусорное ведро!

Обратно в библиотеку я снова бежала бегом. Улыбчивая дама уже запирала дверь на ключ, когда я бросилась к ней.

– Пожалуйста, скажите, есть ли верное средство для того, чтобы вернуть домового?

Дама удивленно вскинула бровь.

– Теперь вы хотите его вернуть? Что ж, это возможно, если у вас остались его лапоточки. Нужно трижды ударить их друг о друга, и тогда домовый вернется и останется с вами навсегда. Но имейте в виду, милочка, – добыть лапоточки домового очень сложно. Он хранит их, как зеницу ока.

В этот раз я тащилась домой еле-еле. Он был моим помощником, а я выкинула его в мусор! Подумать только! В кухне я открыла крышку и еще раз заглянула в ведро: пакет был пуст. Я развязала его и расправила – оставить, что ли, на память? Я разглаживала полиэтилен на коленке, когда нащупала внутри что-то очень маленькое. Я заглянула внутрь: это были крошечные, поношенные лапоточки.

Птичка

В тот день, когда мы купили двадцать соток земли в чистом поле, наша старшая дочь явилась домой с маленькой ржавой клеткой в руках. В клетке, спрятав голову под крыло, сидела тощая, облезлая, нахохленная птица.

– Вот! Полюбуйтесь! – объявила наша Старшая и грохнула клеткой по столу, так что птица подскочила на жердочке и недобро глянула на нас мутным черным глазом. – Помогла старушке перейти через дорогу!

– Вот этой старушке? – вкрадчиво спросил муж и кивнул на птицу.

– Разумеется, не этой! Я шла из школы, а на переходе стояла старушка и говорит: «Дочка, помоги мне перейти дорогу, что-то я совсем плохо видеть стала и хожу еле-еле». Я взяла ее под руку, и мы полчаса тащились на другую сторону, пока все машины нам дудели, как ненормальные! А когда наконец-то добрались до тротуара, она сказала: «Спасибо тебе, милая. Ты мне помогла, и я тебе помогу». Сунула мне в руки эту дурацкую птицу и так от меня дернула, что я ее догнать не смогла. Зачем было врать, что она ничего не видит и еле ходит? Помогай после этого старушкам!

Дочка сердито бросила в угол кроссовки.

– И что же нам теперь с ней делать? – растерянно проговорил муж.

– А я знаю? – возмутилась Старшая. – Если хотите, выпустите в окно!

– Нельзя птичку в окно выгонять! – вступилась наша младшая дочка. – Смотрите, какая она голодная и усталая! Ей надо зернышек купить. И новую клетку!

Несколько минут мы молча смотрели друг на друга, а потом муж нерешительно кивнул, и мы с нашей Младшей побежали в магазин. Вернулись с пакетом универсального корма, коробочкой витаминов для птиц и новой сверкающей клеткой, в которой позвякивали разноцветные игрушки и пускало солнечных зайцев круглое зеркальце.

Мы открыли дверь старой клетки, наша Младшая бесстрашно подставила палец, и птица осторожно выбралась наружу. Она внимательно огляделась по сторонам и полетела. Осмотрела комнаты, коридор, уселась на кран в ванной и несколько раз стукнула по нему клювом.

– Птичка хочет купаться! – радостно завопила наша Младшая.

Мы открыли кран, и птица действительно нырнула прямо в струю. Вода лилась с нее грязная и мутная, а перья вылезали ключьями. Птица выбралась из раковины тощая и лысая, отряхнулась и забралась в свою новую клетку. Некоторое время мы слышали только хруст зерен. А потом наша гостья чинно кивнула, как будто говоря нам «спасибо» повернулась к стене и сунула голову под крыло.

– Вот это да! – прошептала наша Младшая.

– Вот уродина! – выдохнула Старшая.

– Ну, с прибавлением! – сказал муж и накрыл клетку пледом, чтобы свет не мешал птице спать.

В следующие дни птица только ела, купалась под краном и спала, сунув голову под крыло. Она не шумела, не клевалась и вела себя так смирно, что мы даже перестали закрывать дверцу клетки, предоставив «прибавлению» самостоятельно передвигаться по квартире. Уже через неделю птица заметно поправилась, еще через две – покрылась мягким серо-синим пушком. Мы пытались выяснить породу этого существа, но не нашли ни в Интернете, ни в энциклопедии «Жизнь животных» ни одного похожего экземпляра. Наша Старшая опубликовала фотографию на сайте орнитологов, но они объявили картинку фальсификацией, созданной при помощи компьютерных технологий. А в начале весны она снесла яйцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.